

10. Konkordat pomiędzy Stolicą Apostolską a Rzeczpospolitą Polską, podpisany w Rzymie dnia 10 lutego 1925 r. // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1925. – № 72. – Poz. 501.
11. Leksykon duchowości katolickiej: praca zbiorowa / pod red. M.Chmielewskiego. – Lublin–Kraków: Wydaw. M, 2002. – 987 s.
12. Lietuvos Centrinis Valstybes Archyvas (LCVA). – F. 51. – Ap. 12. – B. 972. Sprawozdanie z wizytacji zakładów opiekuńczych od 1921 do 1930 r.
13. LCVA. – F. 51. – Ap. 12. – B. 3041. Sprawozdanie stowarzyszeń za rok 1938.
14. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 28 stycznia 1934 roku o stowarzyszeniach służących katolickim celom religijnym i wyznaniowym // Dziennik Urzędowy Rzeczypospolitej Polskiej. – 1934. – № 9. – Poz. 72.
15. Sprawozdanie Caritas w Pinsku za 1932 // Pinski przegląd diecezjalny. – 1933. – №1. – S. 4.
16. Sprawozdanie Caritas za 1933 r. // Pinski przegląd diecezjalny. – 1933. – №7. – S.34.
17. Statut Katolickiego Nowarzystwa Opikunczego "Caritas diecezji Pnskiej" // Pinski przegląd diecezjalny. – 1931. – № 4. – S. 18–20.
18. Zdaniewicz, W. Akcja Katolicka / W. Zdaniewicz // Historia katolicyzmu społecznego w Polsce 1832–1939 / Kom. red. Czesław Strzeszewski [i in.]. – Warszawa, 1981. – S. 419–445.
19. Zdaniewicz, W. Akcja Katolicka w II Rzeczypospolitej / W.Zdaniewicz// Społeczno-kulturalna działalność Kościoła katolickiego w Polsce XIX i XXw. / pod red.: R.Renz, M. Meduckiej. – Kielce, 1994. – S. 73–87.

ПОТОЛКОВ Ю.В.

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и белорусского языка БрГТУ

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И МЕГАИДЕЯ ЭМПАТИЧЕСКОГО ТРИЕДИНСТВА

Данное сообщение посвящено вопросам общественной морали и исходит из положения о том, что религия – это доктрина, устанавливающая характер взаимоотношений между человеком и Божеством и определяющая под этим углом зрения нормы человеческого поведения. В настоящее время перед человечеством всё более остро поднимается *проблема выживания* (духовного и – как следствие – физического). Поэтому развитие религиозности выдвигается сегодня на уровень ведущих нравственных задач эпохи.

Предложений по поводу нравственного выживания цивилизации люди в течение веков выдвинули неисчислимо много. Но ни одно из этих предложений универсального исцеления не принесло и проблемы духовного спасения человечества не разрешило. Однако универсальное и единственно спасительное предложение существует. *Это извечное и непрекращающееся Божье творение*. Поскольку человечество (по причине локальности своего присутствия в мироздании) создать панацею не в силах, ему необходимо творчески сообразовываться с надчеловеческой и надсоциальной закономерностью взаимодействия микрокосма души и макрокосма вселенной, а именно с **эмпатическим триединством бытия**.

Прежде, чем говорить о смысле означенной закономерности, обратим внимание на современную научную трактовку термина «эмпатия». В «Философском энциклопедическом словаре» дается такое определение: «Эмпатия – способность представить себя на месте другого человека и понять его чувства, желания, идеи и поступки. Данный термин был введён в начале XX века как эквивалент немецкому *einfuhlung* и по аналогии со словом «симпатия» [1, 539]. Следует отметить, что слово *einfuhlung* в буквальном переводе на русский означает «проникновение в сущность чего-то» и ближе всего находится к понятию «сопереживание».

Существуют и иные формулировки термина «эмпатия», но ничем принципиально от трактовки, приведенной выше, они не отличаются. Указывается, к примеру, что одно из ранних определений эмпатии можно найти в работе З.Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905), в которой идет речь о том, что для лучшего понимания пациента врач должен учитывать его психическое состояние, ставить себя в это состояние и пытаться понять его, сравнивая со своим собственным.

Из приведенных формулировок явствует, что эмпатия, сопереживание понимается современной наукой как явление *двуединое*, то есть имеющее в виду сопереживание *двух* актантов – человека с человеком, и вследствие этого трактуется как явление, подчинённое по отношению к познавательной деятельности индивида. При решении *эмпирических* задач такая трактовка предмета плодотворна, полезна и необходима. Но выживание цивилизации предполагает постоянное познание не только физических, но и метафизических закономерностей бытия в их единстве. Однако еще с давних времен в европейской цивилизации наука и религия представляются как антиподы.

Между тем попытки игнорировать эзотерические взаимосвязи между физикой и метафизикой обнаруживают свою деструктивный и даже тупиковый характер. *Приходит время устанавливать толерантные отношения между наукой и религией, признавать эмпирику и онтологию неразделимыми сторонами общей духовной деятельности человечества*. Для этого необходимо расширять границы картезианского двуединого мировосприятия до безграничности мировосприятия триединого.

Мегаидея эмпатического *триединства* бытия также опирается на состояние сопереживания, то есть эмпатии, но на этом её сходство с приведенными выше двуединными формулировками явления оканчивается. Главное расхождение состоит в том, что трактовки, основанные на двуедином мировосприятии, создаются людьми и поэтому могут быть оспорены. Мегаидея же эмпатического триединства инициируется не людьми, а исходит из всеобщих субстанциальных законов вселенского бытия и поэтому оспоренной быть не может. *Эмпатическое триединство*

бытия, по нашему мнению, состоит в сопереживательном сотрудничестве трёх носителей духовной энергии: Бога, человека-креатора и человека-реципиента. По своей созидательной сути это сотрудничество сближается с нравственным смыслом творящей триады: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог Дух Святой.

Так каков же характер взаимоотношений между Всевышним и человеком в процессе извечного творения? Ответ может быть только один: характер этот эмпатический, сопереживательный. Вспомним формулировки эмпатии, представленные выше. Сопереживание предполагает умение поставить себя на место собеседника. Религия ведёт человека именно к такой позиции. Ведь идея о том, что человек создан по образу и подобию Божию, имеет в виду прежде всего подобие душевное. Это тем более верно, что понятие «Бог» в эмпатическом триединстве выступает не эквивалентом некоей литургической личности, а как *состояние* извечного стратегического творения и может быть соотнесено с такими понятиями, как Космический Разум, Душа Вселенной, Всевышнее Творческое Начало. Поэтому отношение человека к божеству ни в коем случае не должно ограничиваться словесными заявлениями или формальным участием в церковных обрядах, а, как того и требует религия, выражаться в конкретной деятельности верующего. Человек может считать себя религиозным только в том случае, если окружающие (именно окружающие, а не он сам!) считают его порядочным, честным. То есть религиозность - это не форма, а содержание, не слова, а дела.

Если Бог - основоположник и инициатор созидательного замысла, *стратег* бытия, то человек-креатор – *тактик* бытия. Он материализует Господень замысел в произведениях искусства, в научных открытиях, в продолжении рода и в благоустройстве природной среды. Здесь уместно привести мысль Г. Гегеля о том, что человек, эстетически творящий, является художником Бога, и расширить это определение: не только эстетически, но и вообще – творящий, создающий в любой области бытия.

Усилия Всевышнего и человека-креатора сопереживательно воспринимает *третий* субъект вселенского творения - человек-реципиент (ученик, зритель, читатель, слушатель, потомок). Под благотворным влиянием этих усилий реципиент проникается величием Божьего и человеческого творения и возносится до религиозного служения Богу в самом себе. Всевышнее творение продолжается как сопереживательное, эмпатическое триединство и в таком извечном качестве восходит на свой новый виток.

Для утверждения *триединой* эмпатической мегаидеи можно принять в качестве аксиомы утверждение о том, что Божье творение продолжается сегодня и не окончится никогда. Появление и историческое развитие человеческого рода оказывается необходимой составляющей этого творения. Следовательно, действия человека необходимы Богу не менее, чем действия Бога – человеку.

В отличие от Всевышнего, который творит духовную вселенную всюю своею сущностью, человек противоречив и продолжает Господне творение лишь лучшей частью своей души. Не однажды своими поступками мы разрушаем и оскорбляем те из наших собственных деяний, которые совпадают с величием Божьего замысла. Поэтому соотношение между Всевышним идеалом и человеческой инициативой никогда не было благостным и безоблачным. И тем не менее даже мимолётного совпадения Неба и Земли оказывается достаточным для того, чтобы человечество обогатилось и спаслось великими произведениями гениев искусства, науки, духовным величием различных проявлений человеческой любви.

В свете сказанного выше очевидно, *религиозность* личности не может трактоваться одинаково в контексте двуединого и триединого мировосприятия. По меньшей мере, соотношение двуединства и триединства нельзя понимать как полемику атеизма с религиозностью. *Атеизм* – понятие выдуманное, искусственное. Под ним нет ни единого материального факта. Люди никогда не были безбожниками. Они всегда уничтожали одних богов во имя утверждения богов иных. *Павка Корчагин* из романа Н.Островского «Как закалялась сталь» считал себя воинствующим атеистом, попу в пасхальное тесто махры подсыпал. Но нет сомнения, что упомянутый роман – это, по сути, произведение о жизни религиозного мученика, это житие святого. Такое утверждение вовсе не означает реабилитацию революционных идей. Сам того не сознавая, Павка поднялся над узостью большевистского мировоззрения к безбрежности Божьей любви. Об этом свидетельствует вселенский характер того вывода, к которому пришёл Корчагин. Вот этот вывод: «Жизнь даётся один раз, и надо прожить её так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёл позор за мелочное и подленькое прошлое, и чтобы, умирая, мог сказать: «Вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному на свете – борьбе за освобождение человечества». Кто из самых строгих ревнителей религиозности увидит в приведенном высказывании Павки знак безбожия?

Итак, идею праведного подвига во имя вселенского счастья задумал Господь. Николай Островский выступил человеком-креатором, воплотившим эту Господню идею в перипетии конкретного литературного сюжета. Многие и многие живые герои, которые вослед за Корчагиным совершали подвиги в труде и в бою, – это те самые реципиенты, которые реально приняли участие в Божьем творении. При этом можно добавить: всё искусство и всё бытие – это реальное воплощение мегаидеи, которой посвящено данное сообщение. Именно эта мегаидея позволяет отличить религиозность истинную от религиозности мнимой, фарисейской, ханжеской. Художественное творчество как высшая форма эмпатического общения с Господом представляет это отличие наиболее убедительно. Оно постоянно сравнивает поступки человека с примером Сына Божьего. Попробуем в свете триединой эмпатии провести параллели между текстом Библии, художественной литературой и жизненной реальностью.

Павел Афанасьевич Фамусов из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» уверен в своей религиозности. И недаром: он живёт по библейскому принципу «возлюби ближнего своего». Недаром Павел Афанасьевич признаётся: «Как станешь представлять к крестичку ли, к местечку, ну как не порадеть родному человечку!..» Можно ли такую позицию признать подлинно религиозной, не ханжеской? Совпадает ли она с мегаидеей эмпатического трие-

динства, согласно которой человек должен честно и принципиально сотрудничать с Господом в творении бытия, а не прятаться от жизненных испытаний под крылом могущественного родственника?

Очень легко через реплику Фамусова увидеть коллизии буквально современного свойства. Кому-то и сегодня могущественный родственник с «широкой спиной» помог «откосить» от армии, кого-то вопреки законам восстановил на учёбе, кто-то при поддержке очередного Фамусова выжил неугодного себе правдолюбца с работы...

Таков один из обликов двуединой религиозности. Такая религиозность как будто забывает строки «Моления о чаше» из Евангелия. Вот эти строки: «И отошёл немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты». «Моление о чаше» в стихотворении Б.Пастернака «Гамлет» звучит так:

Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.
Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идёт другая драма,
И на этот раз меня уволь.
Но продуман распорядок действий
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

В этих фрагментах Святого Писания и стихотворения Б.Пастернака двуединое и триединое сопереживания сходятся в общей лапидарно представленной нравственной ситуации. Начало представленной ситуации – двуедино. Оно нечестно, хоть по-человечески и понятно. Его суть эгоистична: облегчи участь мою по сравнению с другими, тоже страждущими: ведь ты же Отец мой!».

А вот слова «...впрочем не как Я хочу, а как Ты», как и строка «Но продуман распорядок действий...» – эмпатически триедины, честны, порядочны. В них – облик религиозности подлинной, то есть сопереживательной с Господом, не фарисейской, не ханжеской.

Завершим наше сообщение повторением того, что нами уже высказано выше. А именно: мегаидея эмпатического триединства – это не предложение, не версия, не новация кого-то из людей. Это Божья данность. Суть её в одном слове: **возлюби!** Более нежного, но и более сурового слова на свете нет. В этом слове – универсальная пащеца, условие духовного и, как следствие физического выживания цивилизации. Но не будем забывать о том, что единственным путём к воплощению призыва «возлюби!» является следование морали эмпатического триединства, то есть религиозной морали. Других путей к спасению нет.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Философский энциклопедический словарь. – М., 1997.

СТРЕЛЕЦ М.В.

доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук БрГТУ

ИУДЕИ И ХРИСТИАНЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Ряд исследователей считает началом истории евреев в Германии IV век нашей эры. К сожалению, касательно их жизни в Германии в IV – IX вв. имеется ничтожно мало достоверной информации. Доподлинно известно, что с X века еврейские семьи селились из Италии и южной Франции на Рейне, по средней Эльбе в Магдебурге и на Дунае как купцы, после того как они уже в каролингское время играли роль при дворе как странствующие купцы. К этому времени в Германии были типичными города, подчинённые епископам. Епископы Майнца, Вормса, Магдебурга, Мерзебурга и Регенсбурга в X веке благоприятствовали переселению еврейских купеческих семей, чтобы благодаря развитию над-регионального рынка придавать большее значение их кафедральным городам. Дома евреев находились в предместьях епископских замков, многократно – как в Кёльне – вблизи ратуш или торговых улиц, где происходила торговля. Еврейские общины как законченный квартал с синагогой в качестве центра появились лишь позже [1, с. 35].

Средневековое общество было обществом привилегий. Король предоставлял отдельным лицам или отдельным группам различные права, а именно привилегии; и они были для евреев вполне благоприятными. Не было правового причинения ущерба или уменьшения свободы, так что можно говорить о «далеко идущем правовом равноправии евреев с христианскими гражданами» [2, с. 113], что, правда, не означало, что евреи обладали всем объёмом гражданских прав. Они не принадлежали к бюргерскому сословию. Важной привилегией было право рыночной защиты, которое разрешало еврейским торговцам, но также христианским «ломбардам» (это были привилегированные христианские купцы), возвращать поступавшее к ним краденое только без компенсации бывшим владельцам. Император Хайнрих IV, правивший в 1056–1105 гг., который в XI веке предоставил эту привилегию, прибег вместе с тем к еврейскому праву. Право рыночной защиты должно было внести вклад в экономическое развитие (епископских) городов, но, само собой разумеется, часто вело к конфликтам.

Однозначно можно утверждать, что в X и XI веках в Германии не дошло до преследований, как в южной Франции, а «господствовало добрососедское отношение между христианами и еврейским меньшинством» [2, с. 235].